

Наташа
Шнейдер

ОТБОР
для ДРАКОНА

Наталья Шнейдер
Отбор для дракона
Серия «Драконы империи», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68993893

SelfPub; 2024

Аннотация

Как отвязаться от престарелого жениха когда перспектива стать молодой богатой вдовой вовсе не привлекает? Сбежать на императорский отбор. Замуж за дракона я тоже не хочу, но пока тянется отбор, глядишь, и сумею придумать, как выкрутиться. Вот только один из придворных постоянно оказывается рядом, а мое глупое сердце рядом с ним бьется все чаще. Но тот ли он, за кого себя выдает?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	33
Глава 5	42
Глава 6	51
Глава 7	60
Глава 8	69
Глава 9	79
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Наталья Шнейдер

Отбор для дракона

Глава 1

Многоголосый девичий смех заставил меня вздрогнуть. Выругавшись про себя, я опустила на колени раскрытый учебник.

Да чтоб вас всех! Специально сбежала в сад из дамских покоев, нашла беседку поуединенней, чтобы спокойно позаниматься, – и тут никакого спасу нет! Мало мне, что за неявку на экзамен сразу поставят «неудовлетворительно», значит, придется идти на пересдачу, и отношение будет соответствующим. Так еще и стая... в смысле свора... то есть сонм блистательных дам везде достанет.

Рядом плеснуло, будто кто-то наколдовал водный шар в паре ярдов над землей, и звонкий женский голос добавил:

– Иди остынь, герой-любовник, не для тебя в этом саду розы растут!

Снова смех. Я мимолетно посочувствовала неведомому «герою-любовнику» – эта «роза» явно не для него. Голос я узнала. Герцогиня Абето – главная претендентка на руку императора... Тьфу ты! В смысле, в конце концов император,

скорее всего, попросит ее руки, остальные, и я в том числе, тут так, для декорации.

И все же сама идея отбора – дурь редкостная! Это мужчины должны соперничать за внимание дамы, не говоря уж о ее руке и сердце, а не дамы – пихаться локтями ради внимания мужчины, пусть он даже трижды император и дракон. Жаль, что мне пришлось участвовать в этой дури. Мысленно выругавшись, я попыталась снова переключить внимание на учебник.

Не тут-то было. Скрипнули ступени, в беседку ввалился мужчина. Кажется, это и был несостоявшийся «герой-любовник» – мокрые темные волосы прилипли к плечам, мокрые штаны, в руках ком мокрой ткани – наверное, камзол и рубаха. Я снова уткнулась в учебник, щеки обожгло жаром: облепивший нижнюю часть тела шелк вовсе ничего не скрывал, даже то, о чем девица в теории не должна иметь представления. Впрочем, там и без того было на что посмотреть: широкие плечи, узкая талия, четко очерченные мышцы, играющие под кожей при каждом движении.

На лице мужчины изумление боролось с весельем, наконец веселье победило, и он расхохотался – открыто и ничуть не зло, словно выходка герцогини вовсе его не задела, лишь позабавила. Отсмеявшись, он заметил меня.

– О, прошу прощения, милая барышня, я не думал, что тут кто-то есть.

Глубокий баритон словно осязаемо коснулся кожи, заста-

вив мои щеки запылать еще сильнее. Хорошо что вокруг густые заросли и в беседке полумрак. Мне пришлось сглотнуть, чтобы быть уверенной, что голос прозвучит ровно:

– Ничего страшного.

– Я помешал вашим занятиям.

– Я как раз собиралась уходить.

– Лучше уйду я. Еще раз простите, я не хотел вас смущать.

Я фыркнула. Смутить? Будущего целителя? Такой малостью, как полуголый мужчина?

– Нет-нет, вам надо высушить одежду, а то этот весенний ветерок крайне коварен.

Я прикрыла учебник, заложив страницу пальцами. На самом деле мне совсем не хотелось уходить – и вовсе не из-за жгучего взгляда красавца, от которого мурашки пробежали по коже. Просто я с таким трудом нашла эту беседку в дворцовом саду, заполненном дамами, и перспектива возвращаться в покои слушать щебет соседок меня вовсе не радовала.

Нет, я ничего не имела против обсуждения последних модных веяний или оттенков румян: я не собираюсь в монашки, в конце концов, и мне нравится чувствовать себя симпатичной. Но не когда мне надо учить, пропади оно все пропадом, бросать университет из-за отбора я вовсе не собиралась.

Красавец, кажется, тоже уходить не хотел – и тоже наверняка не из-за моих прекрасных глаз. Просто тащиться по

дворцовому саду, опять же заполненному дамами, изображая мокрую курицу, – так себе удовольствие.

– Давайте не будем друг другу мешать, – предложила я. – Сойдемся на том, что я отвернусь и продолжу читать, а вы спокойно высушите одежду и удалитесь.

На его лице промелькнуло изумление. В следующий момент я и сама поняла, что мое предложение может быть расценено как бесстыдное, но прежде, чем я успела извиниться и подхватиться со скамейки, мужчина улыбнулся. Открыто и немного растерянно, и от этой улыбки у меня сердце ухнуло в низ живота и не сразу вернулось обратно, а когда вернулось, заколотилось как ненормальное.

– Признаться, вы меня очень обяжете. – Он снова улыбнулся. – Не хотелось бы попасться кому-нибудь на глаза в таком виде.

Я против воли расплылась в ответной улыбке, прежде чем сообразила, что, получается, меня в число «кого-нибудь» этот красавец не включает.

Вздернув подбородок, я развернулась, подобрала под себя ноги, одернув юбки. Опять раскрыла учебник. Глаза заскользили по строчкам, но буквы отказывались складываться в слова. Настроение испортилось окончательно.

Нет, упаси всеблагие боги, мне вовсе не нужно было внимание этого, что уж там, совершенно прекрасного мужчины. Доучиться надо, а учеба почти не оставляет времени на личную жизнь. И отбор, будь он неладен – ведь все мы вроде

как потенциальные невесты его императорского величества. Признаться, я не помнила, что там говорят правила насчет флирта с посторонними мужчинами, но едва ли его величество потерпит соперников. Так что и засматриваться нечего. Но почему-то стало очень обидно.

Я ведь и в самом деле была здесь никем. Баронесса из древнего, но ныне совсем захудалого рода, который и вовсе исчезнет, едва я выйду замуж. Среди блистательных дам, соперничающих не только красотой, но и богатством, и знатностью, я лишь статистка, фон для того, чтобы они заблестали еще ярче.

Казалось бы, чего злиться? Мне ведь не нужны их богатства, да и император не нужен, на отбор я приехала лишь для того, чтобы укрыться от жениха. И от зависти раньше я никогда не страдала, привыкнув к жизни скромной, но достойной. А вот поди ж ты...

За спиной какое-то время было тихо, потом дохнуло жаром, зашуршала ткань.

– Я обидел вас, – вдруг сказал мужчина, и на плечо мне легла теплая рука, от прикосновения по спине побежали мурашки. – И не понимаю чем.

– Вы вовсе меня не обидели, – ровным голосом произнесла я.

Развернулась, чтобы встать и все-таки уйти – какое уж тут ученье! – и застыла, когда взгляд уперся в поджарый живот, скользнул по дорожке волос вниз к поясу штанов, к счастью

уже высушенных.

— Что случилось? — Красавец склонился надо мной, заглядывая в лицо. — О чем вы задумались?

Я сглотнула. Облизнула губы, их словно кололи десятки невидимых иголочек, и выпалила ровно то, что я пыталась заучить только что. Не говорить же о том, что на самом деле закрутилось в голове.

— Прямая мышца живота начинается от хрящей пятого — седьмого ребер и мечевидного отростка грудины...

Мужчина изумленно выдохнул, отшатываясь, а я закончила:

— И прикрепляется к лобковой кости между лобковым бугорком и симфизом.

В следующий миг до меня дошло, что я такое брякнула. Я подскочила, выронив учебник, бросилась бежать — ровно для того, чтобы всем телом впечататься в незнакомца. Сильные руки сомкнулись вокруг меня, я пискнула и замерла, прижавшись щекой к мужской груди. Он тоже замер, и только сердце, отчаянно стучавшее, выдавало, что не с прекрасной статуей я сейчас обнимаюсь.

Охнув, я отшатнулась. В тот же миг и он разжал объятия, отступая. Я подхватила упавший учебник и понеслась прочь.

Далеко убежать мне не удалось — стянувший талию корсет мешал дышать, пришлось остановиться, чтобы не грохнуться в обморок. Убийственная мода, в прямом смысле убийственная. Впрочем, лет пятнадцать назад было хуже — тогда в

моду вошли тончайшие муслиновые платья, которые зимой и летом носили поверх таких же полупрозрачных сорочек, с шелковыми туфельками на кожаной подошве. Простыв после бала, от «муслиновой болезни» умерла моя мама – и в нашей с отцом жизни все пошло кувырком.

Я трянула головой, в который раз отгоняя сожаления. Мертвых не вернуть, и отец мой давно не тот веселый и заботливый папа, которого я помнила, иначе не оказалась бы здесь. Но что толку сожалеть о том, что невозможно изменить? Надо думать, как жить дальше, а с этим у меня пока тоже не слишком складывалось.

Сбегая из дома, я не имела никакого определенного плана, знала только, что потребовать вернуть одну из потенциальных невест императора не посмеет даже граф Дейнарский со всеми его деньгами и связями. Как говорил один из древних полководцев, главное – ввязаться в бой, а там будет видно. «Видно» мне пока не стало, правда, я находилась во дворце лишь несколько дней.

Занятая своими мыслями, я вышла на аллею, и дорогу мне перегородила широкая лужа, явно рукотворная. Кажется, здесь красавцу, от которого я сбежала, и прилетела бочка сотворенной воды. А сильна герцогиня, впрочем, многие из знатных девушек поднаторели в бытовой магии, а заклинание призыва воды – одно из самых часто используемых.

Из беседки, расположенной в паре ярдов отсюда, слышалось хихиканье.

– Вечно с книжкой таскается, видать, хочет, за умную сойти, – раздался громкий шепот – слишком громкий для личного разговора.

Я не стала вестись на подначку, вообще никак не показала, что слышала. Нет, пожалуй, эта лужа осталась не после того, как дамы прогнали неудачливого кавалера. Уж слишком неудобно она располагалась, тянулась от живой изгороди у одного края дорожки до тропинки, ведущей в беседку. Так что единственный способ ее миновать – направиться к беседке и пройти почти рядом с собравшимися дамами, чтобы свернуть на другую тропинку и выбраться ярдах в двадцати на перпендикулярную дорожку. По пути выслушав кучу насмешек, брошенных якобы в пространство.

Прямо-то насмеяться не осмелятся: правила отбора запрещали любые ссоры между девицами. По какому бы поводу ни возникла перебранка, зачинщицу следовало немедленно удалить из дворца. Дескать, будущая супруга императора обязана сохранять хладнокровие в любой ситуации.

Отличный способ проредить конкуренток: если кому-то изменит выдержка, вся стая товаров подтвердит, что они просто мило беседовали между собой, а проходящая мимо девица точно с цепи сорвалась.

Давать титулованным сколопендрам возможность потренировать остроумие я не хотела. Прикинув размер лужи, положила поверх магический щит, достаточно прочный, чтобы служить мостом под моими ногами. «Девушка должна уметь

защитить себя», — когда-то говорил мой дядя, мамин брат. Он и научил меня паре простых щитов и несколькими боевыми заклинаниям.

После смерти мамы отец запил, разогнал прислугу. Я не помнила этого времени, я и мамы почти не помнила. Знала только, что дядя, приехав проведать семью умершей сестры, ужаснулся увиденному и забрал меня.

Он был на пятнадцать лет старше мамы, отставной боевой маг, так и не женившийся. Точнее, он собирался жениться, но потом изначальные твари прорвали границу. Тот прорыв император остановил ценой собственной жизни, и рядом с ним погибли многие, в том числе мой дядя. Титул, земли и деньги ушли его двоюродному брату, последнему представителю мужской линии рода, а я вернулась к отцу, и поначалу дела даже шли неплохо.

На сотворенную мной невидимую поверхность я шагнула осторожно, словно на лед. Отражающий щит и был скользким, как мокрый пол. Три шага — невелико расстояние, но я пошатнулась уже на втором, вызвав дружный хохот. Что ж, сама не подумала, надо было ставить останавливающий, вязкий. Или не щеголять умениями и просто обойти лужу. Тренировать выдержку тоже иногда полезно.

Я вспомнила, как однажды запустила в стену вязание, в котором в третий раз подряд не сошлись петли узора. Дядя, сидевший в кресле у камина, поднял голову и поинтересовался:

– Мелани, как ты собираешься сохранять спокойствие на эшафоте, если такая ерунда способна вывести тебя из себя?

– Э-э-э... Но я не собираюсь заканчивать жизнь на эшафоте!

– Никто не собирается, но некоторым приходится.

– Полагаю, я сумею увильнуть от подобной чести.

– Все же советую потренировать хладнокровие. На случай, если увильнуть не удастся.

Он снова уткнулся в книгу, а я, вздохнув, подобрала спицы и начала поднимать спустившиеся петли, «тренируя хладнокровие».

Вот и сейчас... потренировала бы. Впрочем, умение держать равновесие тоже надо иногда тренировать. Поскользнувшись, я не упала, просто доехала до края щита и, скатившись на землю, пробежала несколько шагов, гася скорость.

– Лицо лошадиное, и скачет как лошадь. – В этот раз герцогиня Абело и не пыталась понизить голос. – Откуда только понатаскали таких несуразных созданий?

Глава 2

Неужели герцогиня полагала, будто от этих слов я взбележусь настолько, что накинусь на нее с проклятиями? Подобные подколки скорее подходили базарной торговке, нежели образованной знатной даме. Я привыкла к другому. Мой дядя или преподаватели университета умели выразить свое недовольство безукоризненно вежливо, но так, что объекту их насмешек хотелось провалиться сквозь землю.

Или в своем кругу герцогиня и ей подобные пользуются более изощренными формулировками, а меня сочли простушкой, что понимает только откровенные грубости?

Формально все претендентки на отборе находились в равных условиях: одинаковые комнаты на троих, одинаковые туалеты, созданные дворцовыми мастерицами, общий стол, запрет на собственную прислугу. На деле же некоторые к дворцовым платьям и не прикоснулись, достав собственные, вроде бы такие же – не поленились подкупить швей и вызнать фасон, – только сатин, из которого были пошиты собственные туалеты, оказался шелковым, а не хлопковым. Как и чулки. Да и драгоценности никто не запрещал. Так что определить состояние претенденток труда не составляло, и мое эти дамы вычислили безошибочно. Да и трудно не вычислить, если последние драгоценности матери, что удалось

уберечь от отца, я заложила, чтобы оплатить первый год учебы в университете. Сейчас лишь одно скромное колечко украшало мои пальцы.

Но слова герцогини вовсе меня не задели. Во-первых, на правду не обижаются. Лицо у меня и в самом деле длинновато, и походка подкачала – преподавательница этикета, нанятая дядей, то и дело выговаривала мне за манеру носиться вприпрыжку, а не шествовать павой, как полагается благородной даме.

Впрочем, и страшненькой меня нельзя было назвать. Обычная. Густые светлые волосы, фигура со всеми полагающимися выпуклостями и вогнутостями. Может, будь я страшненькой, граф Дейнарский и не захотел бы на мне жениться, наплевав даже на отсутствие приданого. Но все же едва ли найдется девушка, всерьез жалеющая, что не родилась откровенно некрасивой, и уж точно это не я.

Во-вторых, я не намеревалась опускаться до их уровня. Одно дело – состязаться в остроумии за беседой, когда каждое слово имеет двойное, а то и тройное дно. И совсем другое – примитивные грубости. «Если на тебя лает дворовая шавка, ты же не опускаешься на четвереньки, чтобы облаять ее в ответ», – любил говаривать дядя.

Поправив сползшее с плеча платье – мода этого года снова была несуразной, – я рассеяла щит и двинулась дальше.

Чтобы через пару мгновений услышать:

– Нет, это не дворец, а хлев какой-то. То кобыла, то коро-

ва...

Я оглянулась. Девушку, остановившуюся перед лужей, трудно было назвать толстой. Просто ей достался тот тип фигуры, который лишится округлостей, только дойдя до полного истощения. Яркий румянец на щеках, не скрываемый никакими белилами: похоже, краснела девушка легко и быстро, вот как сейчас например. Густые каштановые локоны. На мой взгляд, она была очаровательной, но сейчас в моду вошла бледная томность, которую незнакомка не смогла бы изобразить, даже если бы очень захотела.

Я даже пытаться не стала припомнить ее имя. Приглашения на отбор рассылались всем семьям, в жилах которых текла хоть капля благородной крови, и сейчас во дворце было слишком много незнакомых лиц и имен. Нас даже не представили друг другу толком.

Я не особо об этом жалела. Все равно с каждым испытанием конкурсанток будет становится все меньше, а там потихоньку и перезнакомимся. Кто-то запомнится достоинствами, кто-то — как Абето и полдюжины девиц из ее свиты. А может, я сама вскоре покину дворец, и проблема толпы незнакомых барышень решится сама собой.

Темноволосая девушка сверкнула глазами в сторону титулованного серпентария, прикусила губу. Лужа задымилась. Заклинание для сушки белья, то же самое, каким воспользовался красавчик в беседке. Я прогнала воспоминание о перекатывающихся под кожей мышцах, стерла с лица глупую

улыбку. И уже начала было разворачиваться, чтобы идти себе дальше, когда услышала:

– Цветочки-то в чем виноваты? Им вода нужна.

Колыхнулась магия. Даже не поняв, а скорее почувствовав, что произойдет в следующий миг, я сотворила вокруг незнакомки щит. Отражающий – просто потому что совсем недавно создавала такой же, он и всплыл в голове.

В паре ярдов над головой девушки возник огромный водяной шар, обрушился вниз и, вместо того чтобы стечь по щиту, разлившись лужей, отскочил, подобно каучуковому мячу. Вот только отскочил он не прямо вверх, а под углом. То ли потому, что щит я выставила классической сферой, то ли потому, что из-за силы удара – обрушившиеся с высоты больше человеческого роста несколько ведер воды явно обладали немалой энергией – я его не удержала и, распадаясь, щит исказился. Расплющенный водяной шар устремился напрямиком в беседку.

Честное слово, я этого не хотела! Онемев, я наблюдала, как сгусток воды сметает дам к дальнему бортику.

Всплеск показался мне оглушительным – даже последовавший за ним многоголосый визг звучал тише. Даже высокий, потерявший всякое подобие человеческого голоса вопль:

– Стража! Помогите! Убивают!

– Бежим! – дернула меня за руку темноволосая.

Я не двинулась с места, уперлась в землю каблуками, слов-

но и в самом деле была норовистой лошадкой, не желающей сдвинуться с места. Бежать – значит признать себя виновной, а я не сделала ничего, в чем могла бы себя упрекнуть. Да и лучше сразу оказаться вовлеченной в разбирательство и говорить самой за себя, чем потом опровергать возведенную напраслину.

Выпустив мою руку, девушка сделала несколько шагов, остановилась, тяжело вздохнув.

– Ладно...

Договорить она не успела, подбежавшие стражники вежливо, но крепко взяли нас под локти. Еще двое суетились у беседки.

– Эти... Эти... – всхлипнула герцогиня.

Но ее голос перекрыл другой – властный и сильный баритон:

– Что здесь происходит?

Признаться, я не сразу его узнала. Голос, который в полумраке беседки словно бархатом скользил по коже, стал звучным и повелительным. Исчезла открытая и мягкая улыбка – сейчас лицо незнакомца казалось отлитым из бронзы. Такое лицо только на монетах чеканить. Теплый взгляд темных глаз стал острым, пронизывающим.

Под этим взглядом стражники подобрались, разом втянув животы. Тот, что держал меня за локоть, выпустил мою руку, вытянулся и открыл было рот, но захлопнул его, остановленный властным жестом.

– Я могу вам чем-то помочь, милая барышня? – спросил незнакомец.

Я захлопала ресницами. Если здесь кто-то и нуждался в помощи, то уж точно не я. Словно в подтверждение этих мыслей, герцогиня, мокрая как мышь, обвисла на руках стражника, простонав:

– Меня хотели убить...

Незнакомец бросил на нее нечитаемый взгляд.

– Стил, сопроводите герцогиню Абело к лекарю.

– Но не могу же я... в таком виде... – возмутилась она, разом передумав лишаться чувств.

Платье действительно облепило ее, ничего не скрывая, как совсем недавно – наряд незнакомца. Тот холодно улыбнулся.

– Герцогиня, я настоятельно советую вам поторопиться: весенний ветерок коварен. Дамы, – он коротко поклонился остальным, – это и вас касается. Извольте переодеться.

– Да кто вы такой, чтобы приказывать страже и невестам императора! – возмутилась одна из окружавших герцогиню девушек, высокая и худая, которая держалась так, словно жердь проглотила.

Соседка дернула ее за руку, что-то зашептав, девушка подслеповато сощурилась, разглядывая незнакомца. В самом деле не узнала того, над кем они совсем недавно посмеялись?

– О, позвольте представиться. – Вопреки своим словам, он

отвернулся от стаи дам и улыбнулся нам с темноволосой пышечкой. Поклонился, легко и изящно. – Робин, герцог Сомер...

Имя было мне смутно знакомо. Кажется, у них земли где-то в горах. Совсем немного. Род этот считался чудным – они поколениями игнорировали свет, а свет, в свою очередь, игнорировал их.

– ...Комендант дворцовой охраны.

Лицо герцогини вытянулось. Я подавила улыбку. Да, уж, после того как она обидела такого человека, точно не получится обвинить меня в коварном покушении на убийство конкурентки.

Я присела в реверансе:

– Мелани, баронесса Асторга.

– Аделаида, баронесса Рейнер, – склонилась вслед за мной темноволосая.

– Счастливи знакомству, дамы.

– Но... Они пытались нас убить! – сделала еще одну попытку герцогиня Абето.

– Не волнуйтесь, я непременно тщательно разберусь в случившемся, – заверил их герцог. Махнул рукой охране: – Сопроводите герцогиню и остальных дам к целителю и позаботьтесь о том, чтобы они не разговаривали по дороге. А после того разведите их по разным комнатам, пока господин Гримани не побеседует с каждой по очереди.

Услышав это имя, герцогиня ахнула и свалилась в обмо-

рок, кажется, настоящий. Я покопалась в памяти. Верховный императорский дознаватель! Ничего себе полномочия у коменданта дворцовой стражи! Или покушение на потенциальную невесту во время отбора рассматривается как государственная измена? Тогда и мне может не поздоровиться...

– Слушаюсь, ваше в... высокопревосходительство! – отдал честь стражник.

Герцог – генерал? В неполные тридцать?! Или на самом деле он намного старше, чем выглядит? Жаль, дядю уже не спросить, тот наверняка бы рассказал. И сколько лет, и сам ли выслужился или купил должность. Хотя, наверное, сам. После прорыва, когда погиб император, появилось много молодых офицеров в высоких чинах...

Охранник махнул рукой своим. Дамы засеменили прочь из беседки, и на миг мне стало их жаль – мокрые юбки облепляли ноги, мешая двигаться.

– Позвольте им по крайней мере высушить одежду, – тихонько попросила я. – Не хотелось бы мне знать, что я стала невольной виновницей чьей-то болезни.

– Вовсе ты... ой, простите... вы ни в чем не виноваты! – возмутилась баронесса Рейнер. – Они первые начали!

Герцог остановил ее тем же полным власти и достоинства жестом, что и стражников.

– С вашего позволения, подробности этого инцидента мы обсудим в более удобной обстановке.

Я мысленно поежилась. С одной стороны, хорошо, что и

нас расспросят – надо же что-то противопоставить обвинениям стаи сколопендр. С другой – не понравился мне холодок в его голосе. И все же – мне не в чем себя винить! – я распрямила плечи и подняла голову.

Герцог повернулся ко мне:

– Говорят, императорский отбор – это возможность де-вушкам проявить себя без оглядки на титул и богатство. Но вы не думали, что подобные случаи – это тоже своего рода «проявление» себя? И если кто-то оказался настолько беспечен или бестолков, что не смог защититься...

Я приподняла бровь. Он улыбнулся – совсем не так, как только что улыбался герцогине. Широко и открыто, хотя была в этой улыбке и изрядная доля ехидства.

– Признаю, меня учили противостоять боевым, а не бытовым заклинаниям.

Да как же у него получается улыбаться так, что у меня сердце заходится, а в животе разливается тепло?

– И все же я настаиваю. – Он посерьезнел. – Точнее, император настаивает и проинструктировал на этот счет всех во дворце, что не только испытания, но все происходящее здесь – часть отбора. Потому что не бывает действий без последствий.

– Бездействия тоже, – вмешалась баронесса Рейнер. – Если бы баронесса Асторга не вмешалась...

– Прошу вас, – не дал ей договорить герцог. – День чудесен, как и дворцовый сад, но они вместе взятые не могут

сравниться с обществом таких прекрасных барышень. Давайте прогуляемся до моего кабинета, наслаждаясь природой и обществом друг друга, а уж там вернемся к делам.

Глава 3

Он вопросительно посмотрел на меня. Сообразив, что следует за этим взглядом, я обеими руками прижала к груди учебник, заслоняясь им, будто щитом, и отступила на полшага.

Герцог едва заметно улыбнулся, точно моя реакция его позабавила. Повернулся к баронессе Рейнер.

– Обопритесь на мою руку, милая барышня.

Я медленно выдохнула, пытаюсь понять, что за странное сожаление кольнуло в груди. Ведь только что казалось: обопришь я на его локоть – и забуду, как дышать, потому что, встретившись с ним взглядом, я словно бы заново ощутила упругие мышцы под ладонями, заново услышала стук его сердца – чересчур быстрый.

От неожиданности, наверное, немудрено пульсу зачистить, когда в тебя с размаху влетает незнакомая девушка, да еще и прилипает обниматься... В животе снова разлился жар. Как же меня этак угораздило!

Баронесса, впрочем, тоже не торопилась принимать подставленный локоть.

– А разве нам можно?

– Можно что? – поинтересовался герцог, и в подчеркнuto вежливом тоне мне почудилась ирония.

Нет, просто я не могу забыть той околесицы, что несла, вот и кажется, что он тоже помнит и ищет повод посмеяться.

– Ну... прогуливаться с мужчинами.

– Вы изучили правила...

Он не договорил, откуда-то из-за кустов раздались крики. Еще через пару мгновений возникшая словно из воздуха стража сопровождала под белы руки двух барышень, за одной волочились оборванные оборки юбки, у второй была изрядно попорчена прическа.

– Сочувствую вам, герцог, – не удержалась я, провожая их взглядом. – Обеспечивать безопасность, когда во дворце больше сотни приглашенных, не считая дополнительных слуг, и гости то и дело норовят устроить женские бои в грязи... – В следующий миг я вспомнила, что у меня самой, пусть и невольно, рыльце в пушку, и добавила, в который раз зардевшись: – Прошу прощения. Я вовсе не хотела усложнять вам работу.

– Оставим это до моего кабинета. Так вот, возвращаясь к правилам отбора. – Он опять обернулся к баронессе. – Вы ведь наверняка их изучили? Есть там что-то про запрет принимать знаки внимания от мужчин?

– Нет, но...

Он, улыбнувшись, снова подставил ей локоть, и они двинулись по дорожке, я – за ними и чуть сбоку, отчаянно пытаюсь понять, почему у меня снова испортилось настроение. Это из-за предстоящего разбирательства, точно.

– Можете убедиться своими глазами: у претенденток довольно много свободы, – произнес герцог, указывая в сторону. В очередной беседе, которыми парк был усеян, словно осенний лес – грибами, три девушки о чем-то оживленно беседовали с четырьмя кавалерами. – Все прекрасно понимают, что император не в состоянии уделить внимание всем претенденткам. Что заскучавшие от вынужденного безделья дамы начинают дур... становятся несколько эксцентричными, – быстро поправился он. – Это тоже очевидно.

Да уж, кое-кто успел убедиться в этом на собственной шкуре.

– Легкий флирт развлекает и ни к чему не обязывает. Допустимо и нечто большее, чем просто флирт, пределы дозволенного широки. Единственное ограничение...

Он не договорил, но я поняла. Скрипнула зубами, вспомнив осмотр в самом начале – вроде и нечего было мне стыдиться, а все равно унизительно. Если бы я всерьез собиралась участвовать в отборе – передумала бы сразу же, не потерпев подобного отношения.

– Если какая-то пара понравится друг другу настолько, что девушка решит покинуть отбор, никто не будет ей препятствовать, равно как и кавалеру, заявившему о серьезности своих намерений. – Он усмехнулся. – А девушки, дошедшие до последних этапов, вовсе будут нарасхват. По крайней мере, на прошлых отборах было так.

– Вы не можете помнить прошлые отборы, – заметила я. –

Предыдущий состоялся тридцать лет назад.

– Но я умею читать. И тщательно изучил все записи из королевского архива просто для того, чтобы знать, к чему быть готовым. Вы говорили о женских боях в грязи – уверяю вас, и ваш случай, и то, что мы только что видели, – еще цветочки. Битое стекло в туфлях, раздражающий порошок в пудре, отравы в помаде...

Меня передернуло. Впрочем, мне-то нечего опасаться. Император мне даром не нужен, и привлекать внимание «конкуренток» я тоже не собираюсь. Моя задача – лишь продержаться подольше, чтобы придумать, как отвязаться от графа.

В голове снова невольно всплыл тот разговор с отцом.

Он ввалился в мою комнату под вечер. Навеселе и очень довольный. Отец давно не был таким довольным, последние полгода хмель вгонял его в тоску, заставляя бесконечно жаловаться на несправедливость мира. Я ненавидела вечера, заполненные тягомотными подобиями бесед. Вместо того чтобы заниматься – на первом курсе целительского факультета учить нужно было столько, что у меня голова пухла, несмотря на тренированную память, – приходилось делать вид, будто слушаю, и поддакивать в нужных местах. Стоило отцу подумать, будто его обделяют вниманием, он раздражался бранью, пару раз и вовсе замахнулся.

– Граф Дейнарский просит твоей руки, – сообщил он, расплываясь в улыбке.

Я рассмеялась. Отец давно разучился шутить по-настоящему смешно, но в этот раз шутка удалась.

– И я дал согласие.

Что-то в его лице, тоне его голоса заставило меня оборвать смех.

– Папа, шутка перестает быть забавной.

– Я совершенно серьезен. Завтра объявим о помолвке, осенью сыграем свадьбу. Все расходы граф берет на себя. И обещал после свадьбы покрыть все мои долги.

Так, кажется это не шутка. Если отец заговорил о долгах... А я-то, дура, гадала, зачем граф зачастил к нам! Засиживался надолго, благо беседовал больше с отцом, и я могла устроиться в углу гостиной с учебником, а то и вовсе через полчаса, дозволенных этикетом, удалиться под благовидным предлогом. Его холодный неотрывный взгляд пугал меня, но отец лишь отмахивался, дескать, нечего выдумывать. Граф – приятный собеседник и обходительный кавалер.

– Но он старик! Он тебе в отцы годится!

Неужели он всерьез? Не может быть, чтобы он всерьез!

– Он еще в состоянии зачать наследника.

Меня передернуло – учась на целителя, трудно остаться в неведении о тех аспектах супружеской жизни, которые обычно скрывают от девушек.

– Да его прямо на супружеском ложе удар хватит!

– Тем лучше для тебя: станешь молодой, красивой и очень богатой вдовой. – Отец подошел ко мне, выхватил из рук

учебник. — Я влез в долги, чтобы ты могла учиться. Так будь благодарна!

Я вскочила, отбирая у него книгу.

— Ты влез в долги из-за выпивки и карт! Я сама оплатила первый курс!

Щеку обожгло. Я отпрянула, не веря себе: до сих пор отец, хоть и замахивался, но ни разу не бил меня.

— Имей уважение к тому, кто кормил тебя все эти годы! Я позволил тебе заложить драгоценности покойной Лисбет. — Он смахнул слезу. — И потому влез в долги, что не мог продать их.

Пропить и проиграть, если уж называть вещи своими именами. А ведь три года назад, когда я вернулась от дяди, какое-то время мне казалось, что отец взялся за ум. Он так радовался, что я снова дома. Так часто твердил, что я копия покойной матери и ее милый образ снова с ним.

Целых полгода мы с ним жили уединенно, почти не принимая гостей. По утрам приводили в порядок парк вокруг дома, пришедший в полное запустение. Я наняла горничную и кухарку, помогая им по мере сил заботиться об отце. По вечерам я читала ему вслух или пересказывала байки, услышанные от дяди, иногда просто делилась тем, как жила и как намерена жить дальше. Что хочу стать целителем из-за мамы и дяди — говорили, его можно было бы спасти, если бы целитель успел вовремя, — но слишком много было тяжело-раненых после того боя...

Все рухнуло в один вечер, когда отец уехал в гости к «давнему другу», а вернулся через неделю и так и не смог вспомнить, с кем был и что делал. Винился, обещал, что больше не притронется ни к вину, ни к картам. Я верила. Верила долго. Пока не поняла, что он уже не властен над собой.

Я застыла, держась за пылающую щеку. На глаза навернулись слезы от неожиданной боли и незаслуженной обиды.

– Я всю жизнь заботился о тебе! А ты не хочешь сделать для меня такую малость! Граф даже не против, чтобы ты доучилась, – говорит, это поможет тебе лучше заботиться о ваших будущих детях.

– Малость?! Брак – это на всю жизнь!

– Да ты меня благодарить должна, что обеспечил твое будущее!

Я вдохнула. Медленно выдохнула.

– Я не выйду за...

Еще одна пощечина оборвала меня.

– Завтра! Объявим о помолвке!

Хлопнула дверь, проскрежетал в замке ключ.

Я осталась стоять посреди комнаты не в силах поверить, что все это в самом деле происходит со мной.

Тряхнув головой, я прогнала воспоминания. Если участникам отбора дозволено общаться с кавалерами и даже выйти замуж, отказавшись от битвы за императора, может, воспользоваться этим шансом? Найти кого-нибудь... Неглупого и порядочного. И договориться. Заключить помолвку, а че-

рез год расторгнуть, объявив о «непреодолимых противоречиях в характерах». Придворные кавалеры все как один богаты и знатны, граф не решится с ними спорить. Он-то ко двору не допущен. Даже не через год, мне бы до осени протянуть! Тогда мне исполнится девятнадцать, совершеннолетие, и никто не сможет меня заставить выйти замуж.

Вот только зачем бы этому гипотетическому кавалеру соглашаться на подобную авантюру? Что я могу ему предложить взамен?

Я снова заставила себя вернуться мыслями в дворцовый сад. Прислушалась к разговору.

– Но что, если среди тех, кто покинет отбор, окажется истинная пара императора?! – ахнула баронесса.

Я не стала сдерживать улыбку, пользуясь тем, что она и герцог шли чуть впереди и не видели меня, но у герцога словно глаза были на затылке.

– Что вас так позабавило, баронесса Асторга?

– Статистика, ваше сиятельство.

– Вот уж не думал, что она может быть забавной. Не поясните?

– Вы правы, забавного мало. Просто я подумала: гораздо вероятней, что на отборе вовсе не окажется истинной пары императора. Легенды повествуют лишь об одном случае, да и то...

– Нельзя быть уверенными в том, что он правдив? – договорил за меня герцог. – Вы на удивление неромантичны для

юной барышни.

– Я учусь на целителя. Эта профессия предполагает умение здраво мыслить и опираться на факты. Кто вообще знает, что есть истинная пара?

– Это знает император и его дракон. Девушка, которую боги предназначили стать единственной для них обоих. Той, с которой дракон поделится частичкой души и ради которой захочет остаться в этом мире надолго. По-настоящему надолго, по драконьим меркам.

– Так говорят легенды, – согласилась я.

Если верить им, первый император – тот, что первым сумел призвать дракона и слить души, чтобы спасти наш мир от изначальных тварей, – правил триста лет. Пока его истинная не погибла не то по нелепой случайности, не то в результате покушения. Дракон умер от тоски, император – за ним. Один из его потомков сумел призвать и обуздать нового дракона. Этот правил лишь сто лет – пока дракону не наскучило и он не разорвал связь. Так и продолжалось по сей день. И по сей день ходили слухи, будто драконы соглашаются на связь с человеческим разумом лишь ради поисков истинной пары. Правда, никто толком не мог объяснить, с какой стати истинной дракона должна стать человеческая девушка.

Глава 4

– Положим, легенды правдивы, – продолжала я. – Один император. Один дракон. Одна-единственная девушка, способная стать его истинной парой. И нет никакого магического способа ее найти.

– Если бы такой способ существовал, никто не стал бы затевать отбор, – заметил герцог. – По слухам, дракон не согласится на замену, если найдется истинная.

– Именно. Но какова вероятность, что та самая единственная истинная вообще соответствует критериям отбора? Что она дворянка, не слишком юна для участия и не успела выскочить замуж?

– Неужели в вас нет ни капли романтики, баронесса? – делано удивился герцог.

Я пожалала плечами. Он не унимался:

– Я-то думал, все юные барышни мечтают о любви. Как там говорят поэты... найти свою половинку.

– За всех не скажу, но я ощущаю себя вполне целой. И уполовиниваться не согласна.

Он расхохотался так, что на нас начали оглядываться.

– А я считаю, что любовь – это прекрасное чувство, – прощebetала баронесса Рейнер. – И полагаю, что та, которая окажется истинной парой императора, будет настоящей счастливицей. – Она вздохнула.

– Но как же статистика? – Я не видела лица герцога, но ухмылку его, кажется, ощущала всей кожей.

– Я ничего не понимаю в статистике, но верю в чудеса.

– А вы, баронесса Асторга, значит, предпочитаете верить в науку? – Он снова обернулся ко мне.

– Науке не нужно, чтобы в нее верили. Она просто существует.

– Как и любовь, – парировала моя спутница. – Способная творить настоящие чудеса.

Я пожала плечами, не желая продолжать этот дурацкий спор. Но, как на грех, тропинка расширилась, и герцог подхватил меня под руку, не спрашивая разрешения. Я вздрогнула, по коже словно искры пробежали. Вывернулась, но он не отставал.

– Найдете контраргумент, милая барышня?

Чего он ко мне привязался, в конце концов? Вон тут полный сад романтично настроенных дам.

– Или признаете себя побежденной?

– Любовь? – не удержалась я. – Мой отец очень любил мою маму. Так любил, что не женился второй раз, несмотря на то что у него нет других детей, кроме меня, и род угаснет. Так любил, что...

Я осеклась. Незачем вываливать на посторонних постыдные подробности. Но если любовь – это то, из-за чего человек вместе с близким теряет и себя, то я оставлю ее поэтам, а сама – обойдусь.

Я натянула на лицо улыбку.

– Прошу прощения, господа. Признаю себя побежденной. В конце концов, что, как не желание любить и быть любимой, собрало здесь множество прекрасных дам?

Кажется, мне не удалось скрыть яд в голосе, потому что баронесса Рейнер растерянно захлопала ресницами, а взгляд герцога заискрился смехом.

– К тому же чудо на то и чудо, что существует в единичном экземпляре и не поддается разумному объяснению, – закончила я, надеясь, что теперь-то наконец они заговорят о чем-нибудь более приземленном.

Не тут-то было.

– А как вы думаете, герцог, император в самом деле надеется найти свою истинную пару? Или этот отбор – лишь дань традиции? – полюбопытствовала баронесса Рейнер.

Герцог покачал головой.

– Об этом известно только самому императору, а он не из тех, кто открывает свои мысли каждому встречному.

– А каков он?

– Разве вы не видели парадных портретов? Даже для юной барышни не слишком дальновидно не присмотреться заранее к возможному жениху.

– Вы смеетесь надо мной, – сникла девушка.

– Ни в коем разе. Как я уже сказал, он не из тех, кто откровенничает со всеми подряд. Но если бы так случилось, что император открыл мне свои помыслы, я не стал бы де-

лать их достоянием общественности. Прошу прощения, баронесса. – В его голосе промелькнули бархатные нотки, а у меня внутри на миг словно что-то сжалось. – Даже ради ваших прекрасных глаз.

И почему герцогиня была к нему настолько неблагосклонна? Вежливый, умный, хорош собой и...

Я мысленно выругалась. Отстала на пару шагов и попыталась подумать о топографии «венца смерти»¹. Значит, запирательная артерия отходит от внутренней подвздошной артерии...

Впрочем, если герцогиню Абето не интересуют иные достоинства, кроме титула... Я снова оглядела герцога. Да, одет в шелка, и сидит одежда идеально, выдавая хорошего, а значит, дорогого портного. Но, кроме этого, ни одного признака богатства. Ни одного украшения, разве что след от серьги в левом ухе. Даже амулетов не носит, даже под одеждой, уж я бы заметила...

Да что ты будешь делать! Этак он мне еще присниться вздумает! Раздетым. Я снова залилась краской, вцепившись в учебник, и порадовалась, что мы опять свернули с центральных дорожек и на узкой тропке мне пришлось держаться позади неторопливо шествующей парочки. И, точно издаваясь, герцог снова обернулся, окинув меня смеющимся взглядом.

¹ . Сосудистая аномалия, способная стать причиной выраженного кровотечения во время операции устранения паховой грыжи.

– Не беспокойтесь, я не намереваюсь сбегать, – буркнула я, чтобы хоть что-то сказать.

– И в мыслях не было подозревать вас в столь неподобающих намерениях. Тем более прятаться бессмысленно: вы же назвали мне свое имя.

– Если я назвала *свое* имя.

– Разве нет? Вы самозванка?

– Нет. – Я хмыкнула. – Жаль, вовремя не сообразила. Можно было бы устроить неприятности кому-нибудь из соперниц.

– Полагаете, я не разобрался бы в обмане?

– Полагаю, разобрались бы. Но как бы искали потом в этой толпе?

– Например, велел бы дамам выстроиться в шеренгу...

– По стойке смирно, – не удержалась я.

Интересно, у него в самом деле достанет полномочий велеть – именно велеть, а не попросить – потенциальным императорским невестам что бы то ни было? Слуги с нами вели себя подобострастно, казалось, будто любая девушка тут – особо важная персона, чуть ли не ровня самому императору. Впрочем, не слишком ли много я о себе думаю? Почти все здесь, и я в том числе, – залетные гости, о которых забудут в тот же миг, как девушки исчезнут за воротами дворца.

А человек, который охраняет императора, – останется. Герцог ухмыльнулся.

– Нет, не по стойке смирно, не стоит требовать от дам

невозможного. Но, как видите, задачка вовсе не сложна. Правда, остается вероятность, что, почуяв подвох, вы бы затаились...

А это идея. В смысле затаиться. Дворец огромен, в нем полно закоулков и, готова поспорить, тайных ходов, чердаков и подвалов. Парк тоже немаленький, глядишь, и удастся спрятаться до осени.

Нет, глупости какие в голову лезут! Положим, мне даже удастся найти какой-нибудь укромный закуток во дворце. Положим, охранные заклинания – а он наверняка окутан охранными заклинаниями – меня не почуют. Что я буду есть? Как мыться? Тогда уж проще попытаться уехать в деревню, ту, что рядом с дядиным имением. Леса там густые...

И попасться на зуб какому-нибудь волку – одернула я себя. Нет, воистину романтическая дурь заразна. Надо признать: я умею лишь то, что должна уметь девушка моего возраста и сословия, а вовсе не выживать в лесу – или дворцовом парке – в одиночестве. Значит, и способ избежать замужества должен быть доступен девушке моего возраста и сословия. Идеи сбежать в лес или обрезать волосы и завербоваться во флот – лишь изощренный способ самоубийства.

– ...и это создало бы некоторые трудности, признаю. Но рано или поздно вы добрались бы до того этапа отбора, когда прятаться в толпе соперниц стало бы невозможно.

– Если бы и добралась, к тому времени вы забыли бы о моем существовании.

– Разве вас можно забыть? – улыбнулся он, и я, как дурочка, расплылась в ответной улыбке.

Так, нужно взять себя в руки. Это просто комплимент. Обычный дежурный комплимент, которые он разбрасывает направо и налево. Вроде «прекрасных глаз» баронессы Рейнер. Хотя у нее в самом деле были очень красивые глаза: большие, карие, с такими густыми ресницами, что, казалось, солнце не отражалось в ее зрачках.

Мои-то глаза он не нахваливал...

Я помотала головой. Кажется, еще немного, и я сама вспомню заклинание призыва воды, чтобы остудить голову, которую вдруг переполнили романтические бредни.

На мое счастье, мы подошли к дворцу. Это был не парадный вход, а одна из множества дверей. Не слишком приметная и в обычное время, возможно, и вовсе скрытая заклинанием отвода глаз. Но сейчас по обеим сторонам от нее стояли гвардейцы, которые, завидев герцога, вытянулись так, будто намеревались проткнуть макушкой небо.

Вовремя, как раз чтобы мне вспомнить, что я загляделась не просто на привлекательного мужчину, а на коменданта дворцовой охраны. И сопровождал он меня... то есть нас, не на прогулку, а в свой кабинет для разбирательства. Что не страже велел нас сопровождать, а сам не поленился прогуляться – так, может, вся свободная стража за претендентками присматривает.

Так что не заглядываться нужно, а подумать, как убеди-

тельно доказать, что не я затеяла свару и не я первая подняла руку... то есть магию на герцогиню Абето. Нет, то, что она и его облила, – не аргумент. Во-первых, может, он ей сказал такое, за что не только водой окатить – пощечину вклепить мало. Во-вторых, надо быть вовсе безумной, чтобы вслух при свидетелях – а едва ли он будет допрашивать меня наедине – припомнить мужчине его унижение.

Да, он смеялся. Смеялся, как мне показалось, искренне и от души. Дядя бы отреагировал так же. А вот отец оскорбился бы и потом долго припоминал, что кто-то посмел его не уважать. Видимо, чем меньше из себя представляет человек, тем отчаянней он хочет продемонстрировать собственную значимость...

Я ужаснулась, поняв, что думаю так о человеке, который дал мне жизнь. О том, кого я должна бы чтить и кому обязана безоговорочно повиноваться. Но как тут безоговорочно повиноваться?

Нет, об этом я тоже подумаю попозже. Тем более что герцог как раз отворил дверь в конце длинного коридора, жестом приглашая нас с баронессой внутрь.

– Прошу вас. – Он указал на пару кресел у стены, рядом с которым стоял низенький столик. – С вашего позволения, я на полмига.

Он выглянул за дверь, обменялся с кем-то несколькими словами, которые я не смогла разобрать.

Баронесса, опустившись в кресло, немедленно потянулась

к вазочке с шоколадными конфетами, украшавшей столик. Отдернула руку, не решившись взять.

– Угощайтесь, милая барышня, – улыбнулся вернувшийся герцог. Повернулся ко мне. – И вы тоже, не стесняйтесь. Сейчас я приготовлю чай...

Интересный у него способ ведения допросов. Или это все же не допрос?

– ...и мы вместе подождем господина Гримани.

Я мысленно кивнула сама себе. Мягко стелет, да жестко спать. Как бы герцог ни улыбался, сколько бы комплиментов ни отпускал, разбирательство еще не закончено.

Что, впрочем, не помешает мне насладиться вкусом конфет и ароматом чая. В последний раз я ела шоколад у дяди.

Баронесса, услышав об императорском дознавателе, разом сунула в рот конфету и потянулась еще за одной. Видать, она из тех, на кого волнение нагоняет голод. Тяжко ей, наверное, живется во дворце – нервы тут мотают изрядно, а вот кормят по часам.

Я раскусила конфету, не удержавшись, заглянула посмотреть, какая начинка. Поймала внимательный взгляд герцога, смутившись непонятно чему, опустила ресницы. Уставилась на его руки, в которых изящная фарфоровая чашечка казалась игрушечной. Какие у него красивые руки. Сильные запястья, ровные длинные пальцы.

– Могу я спросить, о чем вы задумались? – поинтересовался он.

Глава 5

Я заставила себя поднять взгляд.

– Вы уверены, что вам действительно нужен ответ?

Он рассмеялся.

– Пожалуй, нет. Анатомия для меня – темный лес.

– При чем здесь анатомия? – не поняла баронесса Рейнер.

Я залилась краской, герцог как ни в чем не бывало пояснил:

– Баронесса Асторга не выпускает из рук книгу, на корешке которой написано «Нормальная и топографическая анатомия». Логично предположить, что этот предмет занимает все ее мысли. – Он повернулся ко мне. – Вы ведь учитесь на целителя? Но, насколько мне известно, сейчас пора экзаменов. Вы предпочли отбор учебе?

Я помедлила, не зная, что ответить. Говорить правду не хотелось, врать этому человеку было опасно – слишком внимательный. По должности ему положено быть внимательным.

От раздумий меня спасла открывшаяся дверь. В кабинет вошел человек средних лет. Высокий, сухоощавый, движения его были быстрыми, резкими. Шагнул стремительно... и споткнулся на полушаге, увидев герцога и нас.

– Дамы, позвольте вам представить господина Гримани, императорского дознавателя.

На лице господина дознавателя промелькнуло... даже не изумление, на миг мне показалось, что он ошарашен настолько, что не в силах пары слов связать. В следующее мгновение он натянул маску вежливого радушия. Поклонился.

– Господин Гримани, представляю вам баронессу Асторга и баронессу Рейнер.

Мы присели в реверансе.

– А теперь, с вашего позволения, перейдем к делам, – продолжал герцог. – Насколько я понимаю, вы, господин Гримани, только что расспросили одну сторону конфликта, представляю вам другую. А я, с вашего позволения, побуду секретарем.

– Но, ваше... сиятельство. – Показалось мне или дознаватель замешкался перед обращением? – Барышень следует расспросить по отдельности. Если они уже не успели договориться...

– Не успели, я за этим проследил. – Герцог обернулся ко мне. – Баронесса, вы не будете возражать, если я накрою вас куполом тишины и попрошу подождать, пока мы беседуем с баронессой Рейнер? Прошу прощения, что заставляю вас ждать, но, кажется, вам проще будет найти себе занятие?

– Разумеется, – вежливо улыбнулась я.

Даже не будь у меня учебника, я бы не скучала. Всегда ведь найдется о чем поразмыслить в полной тишине. Не торопясь раскрывать книгу, я оглядела кабинет. Кроме столика с чайными принадлежностями, здесь был большой письмен-

ный стол, который сейчас занял господин Гримани, и конторка чуть в стороне, за ней встал герцог, вооружившись бумагой и самопиской. Я привезла такую от дяди домой – металлическое перо, которое не нужно было то и дело обмакивать в чернила. Через полгода оно потерялось. Я думала, закатилось куда-то, и перерыла всю комнату. А сейчас вдруг подумалось: может, и не закатилось. Даже в столице самописки до сих пор считались дорогой диковинкой, в университете я не видела у студентов ни одной такой, только у некоторых преподавателей...

Нет, нельзя такое думать о собственном отце! И тарашиться на чеканный профиль герцога тоже незачем. Я еще раз осмотрела кабинет, задержав взгляд на портрете императора.

Что-то подсказывало мне, что, спрашивая, каков он, баронесса интересовалась не личностью, но лицом. Все века, начиная с первого императора-дракона, подобные портреты изображали одно и то же лицо. Менялись времена, художники, манера письма – лицо оставалось тем же. Злые языки болтали, что первый император создал артефакт-иллюзию, дабы скрыть увечья, полученные в битве. Легенды гласили, что и первый император, и его последователи отказывались от собственной личности и лица, призывая дракона. «Император – это не личность, а титул, – припомнила я. – Не привилегия, но служение».

Правду, как водится, знали немногие. И наверняка, как

и герцог, они будут держать язык за зубами, так что и мне стоит умерить любопытство.

Интересно, а он и супружеский долг исполняет под иллюзией?

Я замотала головой, отгоняя совершенно неподобающую девице мысль. Поймала на себе внимательный взгляд герцога и поспешно раскрыла учебник в первом попавшемся месте – как на грех, там оказалось строение мужской половой системы. По счастью, в типичном для учебника изображении – в разрезе. Я торопливо пролистнула туда, где я остановилась. Исподтишка глянула на герцога, надеясь, что он занят делом, а не подглядыванием в мои книжки, – и по его смеющимся глазам поняла, что надежда моя была совершенно напрасной.

Вспомнив уроки дяди, я заставила себя ощутить собственное тело. Жестковатое кресло подо мной. Тяжесть книги на коленях. Послевкусие шоколада во рту. Медленный вдох на четыре счета, пауза, выдох на восемь счетов. Пауза. Еще раз. И еще. К тому моменту, когда исчез купол тишины и я услышала не только звук собственного дыхания и шорох страниц, я уже была готова сохранять спокойствие, пусть не на эшафоте, но на допросе. Судя по красным пятнам на щеках баронессы Рейнер, разговор меня ждет не из приятных.

– Я подожду вас, – шепнула она, проходя мимо меня.

– Не стоит, – сухо заметил господин Гримани. – Беседа наверняка затянется. Возвращайтесь в свои покои. Или вы

не сможете найти дорогу?

Она снова вспыхнула, сверкнула глазами, но ничего не ответила. Попрощалась и вышла.

– Прошу вас.

Я опустилась на стул рядом с письменным столом и приготовилась отвечать на вопросы.

Начало «беседы» меня озадачило. Дознаватель потребовал сообщить полное имя, титул, место проживания, имена ближайших родственников. Словно меня в самом деле подозревали не в попытке несанкционированного обливания, а в каком-то серьезном преступлении.

Но, пожалуй, подобная манера «беседы» весьма подходила королевскому дознавателю – я бы скорее занервничала, если бы и он предложил мне чая с конфетами и начал подтрунивать, расспрашивая, верю ли я в любовь. Что действительно не давало покоя – неотрывный, внимательный взгляд герцога. Казалось, он даже мои ответы записывает на ощупь, глядя не на бумагу, а на меня. И если глаза дознавателя были холодны, словно стальной корпус хронометра, в темном взгляде герцога мелькало любопытство и интерес. Нашел, тоже мне, забавную зверушку!

Выяснив, кто я и откуда, господин Гримани решил сразу взять быка за рога.

– Расскажите, что заставило вас покуситься на жизнь других конкурсанток? – жестко произнес он.

– Ничего не заставляло, – пожала я плечами.

– То есть вы сделали это без причины?

– Что вы подразумеваете под словом «это»?

Нет, я не намеревалась над ним издеваться – совсем я, что ли, с ума сошла, настраивать против себя королевского дознавателя? Но, учитывая все обстоятельства, приходилось следить за точностью формулировок.

– Попытку убийства герцогини Абето и еще пятерых девушек.

– Я никого не пыталась убить.

– Герцогиня Абето утверждает обратное. Вы напали на нее и ее спутниц.

Герцог за своей конторкой едва слышно хмыкнул. Мне показалось, что господин Гримани досадливо шевельнул плечами, но движение – если оно вообще было – оказалось столь коротким, что в следующий миг я уже не была уверена, будто видела его, а не придумала.

– Я не могу отвечать за слова герцогини. Но я могу отвечать за свои действия, и я никого не пыталась убить.

– Герцогиня утверждает, что вы применили против нее водную пушку.

– Я не применяла никаких заклинаний против герцогини Абето.

– Тогда как вы объясните плачевное состояние ее наряда?

– Он промок.

Дознаватель застыл, сверля меня взглядом, и на мгновение показалось, что сейчас он шархнет кулаком по столу и

начнет угрожать мне всяческими карами, но он откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди.

– Вы намереваетесь и дальше отвечать в точности на поставленный вопрос и ни словом больше?

– Не знаю, господин дознаватель. Зависит от того, какие вопросы я услышу.

– Зачем вы напали на герцогиню?

– Я ни на кого не нападала.

Я хотела добавить, что баронесса Рейнар наверняка говорила им то же самое, но не стала. Я же не знаю, что она поняла из произошедшего и какие выводы сделал из ее слов дознаватель. Судя по тому, как он на меня набросился, – ничего хорошего не услышал.

Нет, остановила я себя. Не надо пытаться влезть в голову королевскому дознавателю. Возможен десяток причин, почему он так себя ведет, – от несварения желудка до раздражения из-за того, что его заставляют возиться со взбалмошными девицами.

– Расскажите свою версию того, как промок наряд герцогини.

– Я увидела, как над головой баронессы Рейнар собирает шар призванной воды. Опасаясь за ее наряд и душевное состояние, я создала вокруг нее отражающий щит...

– Вы изучали боевую магию? – быстро перебил меня дознаватель.

Интересно, что бы они сделали, если бы я в самом деле

всерьез ее изучала? Удвоили бы охрану? Выставили бы меня, дабы не угрожала безопасности императора? Нет, глупости. Безопасности императора могут угрожать разве что изначальные твари, а я на них точно не похожа.

– Нет, только несколько заклинаний. Два щита: отражающий и вязкий. Воздушный удар – ну, знаете, оглушить и удрать. И огненные руки – вообще оно очень похоже на заклинание для разглаживания одежды и...

– А водный резак?

Я едва не брякнула, что водный резак, должным образом выполненный, способен снести дерево ярдом в поперечнике, что мне однажды и продемонстрировал дядя на высохшей березе, но вовремя прикусила язык. Не ровен час, отпилят кому-нибудь во дворце голову. Доказывай потом, что это не я...

– Нет. Только те четыре, о которых я упомянула.

– Кто вас этому научил?

Не знаю, какое ему дело, но скрывать мне нечего.

– Мой дядя. Граф Мената, ныне покойный.

– Я знал его, – вдруг подал голос герцог. – Хороший был человек и доблестный воин. Жаль, что целители не смогли ничего сделать.

– Жаль, – эхом откликнулась я.

Останься он жив, меня бы здесь не было.

– Итак, вы выставили щит, – вернул меня в реальность господин Гримани. – Что произошло дальше?

– Я не удержала щит, и, распадаясь, он изменил траекторию движения призванной воды.

– Он изменил или вы ему помогли?

– Я никоим образом не воздействовала на призванную воду.

– А герцогиня Абето, видимо, не умеет выставять щит, – снова влез в разговор герцог.

Господин Гримани бросил на него недовольный взгляд.

– Ваше сиятельство...

– На пару слов, господин Гримани, – не смутился тот. – С вашего позволения, баронесса.

Кабинет снова утонул в тишине. Я посмотрела на мужчин, надеясь, что если не слова, то жесты и выражения лиц поведают мне, о чем идет разговор. Но дознаватель будто нарочно вышел из-за стола, а герцог повернулся так, что его широкие плечи заслонили от меня сухощавого дознавателя, и как бы высок тот ни был, герцог оказался еще выше.

Наконец тишина развеялась, господин Гримани вернулся за стол.

Глава 6

– Герцогиня Абето утверждает, что дворцовый сад содержится в небрежении и, заметив это, она решила немного полить растения вокруг беседки, – сообщил дознаватель.

Герцог расхохотался – так же весело и беззлобно, как и тогда, в парке. Господин Гримани тонко улыбнулся вслед за ним. Неужели герцог рассказал ему, как пал жертвой садоводческого рвения герцогини?

– Понимаю, – медленно произнесла я. – И так увлеклась цветочками, что не заметила ни ге... – Я осеклась. – Никого. Ни баронессу Рейнер, ни меня.

– Ни меня, – добавил герцог, все еще посмеиваясь.

– Вас?!

Впервые в жизни я убедилась, что «глаза полезли на лоб» – не преувеличение. Господин Гримани, кажется, стал выше ростом и на несколько мгновений лишился дара речи.

– Да, меня она тоже не заметила.

– Но это же... – выдавил наконец королевский дознаватель. – Это...

– Забавное недоразумение, не более.

А ведь он мог обставить происшествие как покушение, запоздало сообразила я. Попытка покушения на человека, в чьих руках безопасность императора, – это ведь пахнет изменой. Тут не просто из дворца пинком под зад вылетишь,

а прямиком на плаху.

Нет, какой бы противной ни была герцогиня, такой участи я ей не желаю. И герцог, кажется, тоже не пылает жадной мести.

– Никто не пострадал, – с нажимом произнес он. – Кроме моего самолюбия. Но ему полезно иногда получать щелчок по носу, дабы вернуться с небес на землю.

Господин Гримани наконец отмер.

– Я... прошу прощения, ваше сиятельство, но это совершенно... Нам необходимо поговорить наедине.

– Этот пустяк не стоит того, чтобы его обсуждать. Что касается других дел – вернитесь через полчаса. Я правильно понимаю, что баронесса больше не подозревается в нападении на соперницу?

– Да, конечно.

Дознаватель с поклоном удалился. Я проводила его задумчивым взглядом. Надо освежить в голове табель о рангах. Комендант дворцовой охраны выше чином императорского дознавателя и может ему приказывать? Может, и так, если считать, что в руках коменданта безопасность не только императора, но и его гостей, среди которых попадают и члены других королевских семей. А может, и нет...

– Я могу идти? – поинтересовалась я.

Нет, пожалуй, пусть с табелью о рангах они разбираются сами. Мое дело – присмотреть здесь кавалера, с которым можно будет договориться о фиктивной помолвке и натянуть

нос графу. Или придумать другой способ не оказаться у алтаря до совершеннолетия. Расклад сил во дворце меня не касается.

– Вы куда-то торопитесь? – поинтересовался герцог, берясь за чайник.

Торопиться мне было совершенно некуда, до ужина оставалась еще уйма времени, и уж комендант это прекрасно знал. Сослаться на необходимость учить?

– Насколько я помню, пересдача осенью, перед самым началом нового учебного года, так что с вашим умом вы прекрасно успеете подготовиться, несмотря на отбор, – продолжал он, точно читая мои мысли.

На самом деле я думала, императорский отбор будет более... занимательным, что ли. А оказалось, между испытаниями делать совершенно нечего, да и испытаниями их было назвать нельзя. Пока?

– Благодарю за комплимент, – улыбнулась я. Необычный комплимент, надо заметить, парни в университете предпочитали петь дифирамбы моим волосам и фигуре. – Но ум мне не поможет: некоторые вещи невозможно понять, нужно просто запомнить.

– Да-да. Как там было? Прямая мышца живота начинается...

Я залилась краской.

– Герцог Соммер, не смейтесь надо мной.

– И в мыслях не имел. – Он указал на столик. – Еще чай?

Надо было все же сослаться на необходимость учить, пару раз извиниться и удалиться в свою комнату, но при виде этой улыбки мое глупое сердце сделало кульбит, а язык сам собой произнес:

– С удовольствием. – Я опустилась в кресло.

– Думаю, недоразумение, что произошло между вами и герцогиней, можно считать исчерпанным, – улыбнулся герцог. – Не буду советовать вам, как вести себя дальше, отбор есть отбор, и все участницы должны быть в равных условиях.

– Спасибо, – улыбнулась я в ответ.

Как бы то ни было, он уже помог, едва ли без его вмешательства дознаватель бы с первого раза поверил в мою версию происшедшего. Помотал бы еще нервы, вытрясая подробности.

– Не за что. Господин Гримани – умный человек и в состоянии понять, кто говорит правду, а кто лукавит. Не прибегая при этом к допросу с пристрастием.

– Не сомневаюсь в его способностях.

Однако при всех своих достоинствах королевский дознаватель не удержался от искушения нагнать на меня страха. Привык общаться с матерыми головорезами или от дамских склок у него уже голова кругом, вот и решил припугнуть заодно? Впрочем, мне-то какая разница? Отвязался, и ладно.

То, что герцогиня Абето осталась безнаказанной, меня не слишком волновало. Во-первых, она сама себе подмочила репутацию... в прямом смысле, между прочим, подмочи-

ла. Множество людей видело ее, промокшую и встрепанную. Во-вторых, с ее умом, точнее, его отсутствием, она наверняка успела нажить себе не одного врага, так что возмездие – лишь дело времени.

И при всем при том поговаривают, будто она – фаворитка императора. Даже странно: неужели у него настолько дурной вкус?

– Если действительно не сомневаетесь в способностях господина Гримани, – вернул меня в реальность герцог, – расскажите, кто вы на самом деле и откуда? Чтобы мне не пришлось утруждать королевского дознавателя расследованием.

Я осторожно, боясь расплескать, поставила на стол чашку с чаем.

– Прошу прощения?

– С вашей стороны было не слишком умно вслух заговорить о возможной самозванке. Я задумался. В вашем возрасте и с вашим титулом вы должны были выйти в свет года два как. Но я вас не помню.

Так, значит, он попросил меня задержаться не просто чтобы поболтать. Я разозлилась сама на себя – отчасти из-за обиды, кольнувшей грудь. Знатный, богатый, хорош собой и на высокой должности. Девушки наверняка штабелями у ног укладываются. Так с чего я взяла, что герцог может проявить ко мне какой-то интерес, кроме профессионального? Возмнила о себе!

– Если бы я действительно была самозванкой, не стала бы

упоминать о такой возможности. — Я снова взяла чашку, пригубила ароматный напиток. Несмотря ни на что, чай был хорош. — Сначала вы отпускаете комплименты моему уму, а уже через несколько минут отказываете мне в нем. Где логика?

— А вы знакомы с логикой?

— Если вы имеете в виду науку о законах мышления — дядя заставил меня изучить азы. Но я говорила о последовательности и закономерностях, если вам будет угодно. Ваши слова противоречат друг другу.

— Тогда примените логику и объясните, почему я не видел вас ни среди дебютанток сезона два года назад, ни на балах прошлого и этого года. Будь вы провинциалкой, это было бы понятно, но вы утверждаете, что живете в столице.

— Я не появлялась в свете. Мы с отцом жили уединенно, не наносили визиты и не бывали на балах.

Герцог недоуменно поднял бровь.

— Ваш отец совершенно не думал о вашем будущем? Как он намеревался искать вам жениха? Не на отборе же?

— Об этом вам нужно спросить у него самого.

В университете меня считали дикаркой — не потому, что манеры подкачали, а из-за того, что мы с отцом никого не принимали и не отдавали визиты, не появлялись на балах и званых ужинах. Эта сторона светской жизни осталась от меня скрытой. Не знаю, приглашали ли нас, с визитами на моей памяти приезжали только приятели отца, которым лучше

было не попадаться на глаза – иначе не избежать скабрёзных намеков и «отеческих» пощипываний за щечку, которые приводили меня в бешенство.

Да если бы даже нас и приглашали в свет – мне просто не на что было пошить бальное платье! Я учебники-то покупала подержанные.

– Отец не делился со мной планами, касающимися моего будущего.

Ровно до того момента, как огорошил меня заявлением о договорённости с графом. Я не стала проверять, переменит ли отец мнение, протрезвев. Пометавшись по комнате, вспомнила про приглашение на отбор, пришедшее пару дней назад. Собрала вещи, сунув их в наволочку, вытащила из тайника под паркетинной небольшую сумму – остатки полученного за заложенные драгоценности и все, что мне удалось заработать репетиторством в последний год. И вылезла в окно, благо особняк был одноэтажным.

– Но вы сами о нем задумывались? Не намеревались же вы весь остаток жизни посвятить заботе об отце? Или, как и ваш батюшка, возлагали надежды на отбор? О нем было известно задолго до объявления.

Я подавила желание запустить в герцога кружкой. Я ему не какая-то там... золотоискательница.

– Если бы я искала себе жениха – в университете учился множество богатых и знатных молодых людей. Я бы выбрала того, кто мне по зубам, а не замахивалась бы на императора.

– Однако вы здесь. Замахнулись, как вы изволили выразиться.

– Ни мой отец, ни я не думали об отборе, – повторила я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. – Я оказалась здесь совершенно случайно.

– Случайно приехали? Случайно прошли осмотр и первый этап отбора?

Да, звучит глупо, приходится это признать.

– Те, кто попал сюда случайно либо не по своей воле, отсеялись после первого этапа, это было просто, – не унимался он.

Я не выдержала.

– Да вы издеваетесь?! Чтобы провалить первый конкурс, нужно было не уметь двух слов связать!

В самом деле, если уж вылетать, то хоть после кулинарного конкурса какого-нибудь. Или подборки задач по биохимии... впрочем, здесь вряд ли дадут подборку задач по биохимии. Уж никак не после письменного размышления на тему: «Что значит “положение обязывает”». Я вспомнила постную физиономию распорядителя отбора и его преисполненный торжественности голос, когда он зачитывал списки прошедших на следующий этап. «Императрица должна уметь внятно и последовательно излагать свои мысли, в том числе письменно», – изрек он тогда.

– Я бы со стыда умерла, вылетев после первого же этапа!

– И после этого вы продолжаете утверждать, будто оказа-

лись тут случайно?

– Именно так.

– Настолько случайно, что проигнорировали ради него экзамены? При том что учеба вам важна?

– Так получилось.

А еще я умру со стыда, если расскажу ему правду. Что отец спивается, если уже не спился, что он продал – а по-другому это не назвать – меня старику и что я просто сбегала из дома, не желая смириться с этой участью. Благородная дама, достойная императора, несла бы все тяготы своей судьбы со смиренным достоинством.

– Или вы пытаетесь изобразить, будто она для вас важна? Заучку с учебником под мышкой другие дамы едва ли будут воспринимать всерьез.

Да чтоб тебя!

– Учеба для меня действительно очень важна. Это мой единственный шанс на достойную жизнь в будущем.

Глава 7

Если я не получу диплом, не научусь обеспечивать себя сама, меня ждет участь гувернантки или компаньонки – от бывшего состояния нашей семьи не осталось ничего, кроме долгов. Экономкой меня никто не возьмет без рекомендаций, а рекомендации дать некому. Дядин кузен, получивший его состояние и титул, меня не жаловал.

Есть, впрочем, еще третий вариант – граф. Или кто-то ему подобный, падкий на молоденьких свежих девиц. Но чем это отличается от торговли собой? Только тем, что сделка происходит лишь один раз?

– Ваш единственный шанс на достойную жизнь в будущем, – медленно повторил герцог. – И этот единственный шанс вы задвинули в дальний угол, увидев перспективу поинтереснее? Решили обеспечить себе будущее получше?

– Повторяю, я здесь не потому, что строю далеко идущие планы. После окончания отбора я намереваюсь вернуться в университет и сдать экзамены. Глупо рисковать будущим ради миража.

– Однако вы рискнули. Да и почему же ради миража? Одна из девушек совершенно точно станет императрицей. Так почему не вы? Стоит рискнуть ради того, чтобы сорвать таковой куш!

Его тон по-прежнему оставался легким, словно мы болта-

ли в чьей-то гостиной о пустяках вроде погоды. Почему-то это уязвляло меня сильнее, чем если бы герцог откровенно давил, или угрожал, или открыто насмеялся.

Впрочем, разве у него был повод угрожать или смеяться? Поколение за поколением императоры искали себе невесту на отборах, в участии нет ничего недостойного. Только мне почему-то все равно стало мерзко. Словно, ввязавшись в это, я сама превратила себя из человека в товар на прилавке. Выбери, император, – постройней? Помясистей? Или, может, предпочитаешь пообразованней? Судя по первому испытанию – вполне возможно... Правда, не слишком оно вязалось с образом герцогини Абето, но, с другой стороны, фаворитка – это для души или для тела. А императрица – это та, кого не стыдно показать людям, и мать его будущих детей, тут кто попало не подойдет.

Меня передернуло. Что ж, назвался груздем... Сама в это влезла, самой и расхлебывать.

– Мою личность легко проверить. А мои мотивы участия в отборе, с вашего позволения, я оставляю при себе. Какими бы они ни были, они никак не повредят безопасности императора или других участниц, – сказала я, пожалуй, чересчур резко.

Улыбка исчезла с лица герцога.

– Думаете, я не смогу вас раскусить? – подчеркнуто мягко произнес он.

– Думаю, что нет смысла меня кусать. – Я мило улыбну-

лась. — Я не самозванка, и выяснить это труда не составит. Я здесь не для того, чтобы кому-то навредить. Остальное касается только меня. — Я поднялась. — С вашего позволения, герцог.

Он не стал меня останавливать.

Выскочив за дверь, я сама не заметила, как пролетела несколько залов. Дура, дура, дура! Улыбка у него, видите ли. Умен и обходителен!

Возмечтала курица о соколином полете!

О любви рассуждает, романтиком прикидывается. Как же, романтических бредней в его голове не больше, чем в камне! Прощупывал со всех сторон и меня, и баронессу Рейнер. А до того наверняка к герцогине примерно за тем же подкапывал. Поделом от нее получил! Интересно, остальной сотне с лишком участниц тоже будет петь про красивые глаза? Или он не всех обхаживает, а только тех, кто, по его мнению, пройдет достаточно далеко, чтобы получить право лично пообщаться с императором?

Я вдохнула, медленно выдохнула. Все. Хватит. Задача герцога — обеспечивать безопасность императора и обитателей дворца, какими методами он этого добивается — его дело. Мое — продержаться на отборе как можно дольше, одновременно умудриться подготовиться к экзаменам, чтобы не вылететь из университета; и держать ухо востро в поисках возможностей, которые могут подвернуться. Вот и нужно заниматься своими делами и не лезть в чужие. А герцог пусть

хоть в постели проверяет кандидаток на благонадежность! Нужно просто выкинуть его из головы. Да, так и сделаю.

Что теперь? Пойти в свою комнату или вернуться в сад, поискать еще одну уединенную беседку? Я заколебалась. Соседки мне попались в целом приятные, но до жути болтливые, и пары минут не могли просидеть, не раскрывая рта. Но и в саду, как показал сегодняшний день, не слишком спокойно. К тому же, чтобы попасть туда, нужно снова пройти мимо кабинета герцога и, не ровен час, встретиться с ним самим. Значит – в комнаты. Только сообразить бы, как туда добраться: в этой части дворца я, кажется, не была.

Додумать я не успела: из-за двери, разделяющей два зала, донесся детский плач. Этот звук был настолько неуместен здесь, что я даже потянулась к магии, вспоминая заклинание, позволяющее развеять иллюзии. Гвардейцы у дверей напряглись, и я одернула себя. В самом деле, не стоит нервировать охрану, они и без того наверняка беспокойны из-за толпы посторонних во дворце. И кому могло бы понадобиться создавать подобную иллюзию?

В следующем зале обнаружился и источник звука. Рядом с камином сидел мальчонка лет четырех, весь перемазанный сажей, и отчаянно и самозабвенно рыдал.

Я подошла к нему поближе. Маленький, щуплый, чумазый и одет кое-как. Явно сын кого-то из прислуги, причем прислуги невысокого ранга.

– Что случилось, малыш? – спросила я, присаживаясь на-

против.

– Я не малыш, я большой мальчик. – Он вытер нос кулачком, размазывая сопли, и тут же снова заревел. – Мама... Потерялся...

Ну и что прикажете с ним делать? Вздохнув, я вытащила из корсажа носовой платок. Положив его на ладонь, призвала горсть воды и попыталась обтереть мальчонке физиономию. И успокоиться поможет, и почище станет.

Но вместо того, чтобы успокоиться, ребенок взвизгнул, отшатнувшись.

– Мокро! Холодно!

– Ничего, сейчас согреется. – Я потянулась к нему, но малец заверещал, будто его режут, и отскочил к стенке.

Я беспомощно оглянулась на гвардейцев – те стояли с каменными физиономиями, глядя перед собой.

– Вы не знаете, где можно поискать... – начала было я и осеклась, поняв, что ответ едва ли получу. Уточнила: – Вам запрещено разговаривать на посту?

Один из парней едва заметно опустил ресницы. Понятно. Значит, на их помощь мне рассчитывать нечего. Я снова покосилась на мальчонку, который, устав реветь, теперь только шмыгал носом и вытирал его кулачком, размазывая по лицу сажу и сопли.

Оставить его здесь? В принципе, ничего с ним во дворце не случится, а там мать освободится и найдет своего потеряшку. Но когда она освободится? И сколько времени ре-

бенок просидит один, перепуганный и зареванный? И, возможно, голодный? Да, он не походит на милого ангелочка, как обычно говорят о детях, – сопливый, грязный и капризный, а может, просто пугливый, поди пойми. Но, милый или нет, он остается ребенком.

Обмотав платком запястье, чтобы не мешался, я вытащила из книги лист бумаги. Уходя в сад, вложила между страниц несколько на случай, если захочу что-нибудь записать, а чернильницу не взяла, совсем с этим отбором слаба разумом стала. Я сложила листок пополам и начала загибать края. Мальчишка, заинтересовавшись, вытянул шею, даже всхлипывать перестал.

– Смотри. – Я протянула ему на ладони бумажный кораблик. – Меняемся?

Он шмыгнул носом, вопросительно на меня глядя.

– Я подарю кораблик, а ты позволишь мне тебя умыть, и пойдем искать твою маму.

– Мама! – Он снова скривился, собираясь зареветь, и я торопливо накинула на игрушку иллюзию.

Кораблик засветился радужными переливами, неярко, словно ночник. Малыш заворуженно потянулся к нему. Я закрепила иллюзию – продержится пару дней, а потом постепенно истает. К тому времени и ребенок потеряет к нему интерес.

– Покажи ладошки. – Я протерла их влажным платком. Малец дернулся, но, видимо, нагретая от моего тела

ткань не сильно его побеспокоила, потому что вырываться он не стал. – Вот так.

Я вручила ему кораблик и, пользуясь тем, что ребенок отвлекся, протерла ему лицо и нос. В ангелочка он не превратился, но смотреть на него и брать за руки стало приятней.

– И что же с тобой делать? – спросила я сама себя.

– К маме хочу! Есть хочу! – Реветь, по счастью, он не стал, отвлекшись на переливы света кораблика.

Поесть я и сама была не против – перепалка с герцогом раззадорила мой аппетит, который пара шоколадных конфет утолить явно не могла. Надо, пожалуй, начать таскать еду со стола и припрятывать на подобный случай. Или последить за фигурой? Я выбросила из головы эти мысли. Подождет. Сейчас нужно вернуть ребенка родителям или кому-то, кто передаст его родителям.

Как на грех, дворцовая прислуга была идеально вышколена, что означало – не попадалась на глаза гостям. Так что создавалось впечатление, будто постели заправляются и комнаты убираются сами собой, на худой конец – с помощью бытовой магии. Возможно, именно так и было, но этот ребенок явно не походил на отпрыска мага, то есть человека образованного и небедного. Так где мне искать прислугу? Истопников, прачек, кухонных девок? Не совать же нос во все двери подряд в надежде наткнуться на черный ход! Да и пустят ли меня на черную половину дворца?

– Есть хочу! – проныл мальчишка. – Пить хочу!

Создать ему воды я могла хоть сейчас, но не в горстку же! И вообще... Подумав с полмига, я решительно взяла его за запястье.

– Пойдем!

– Мама говорила мне с чужими не ходить! – заупрямился он.

Я мысленно выругалась. И после этого кто-то станет мне говорить, будто дети – это непрерывная радость и счастье?

– Тогда не ходи. Прыгай, как зайчик. Вот так.

Я попрыгала, мысленно представляя, как будут ржать надо мной гвардейцы, сменившись. Малец с готовностью запрыгал рядом.

– Прыгать с чужими мама ведь не запрещала? – уточнила я на всякий случай. Дождалась, когда он помотает головой, и крепче перехватила запястье. – Вот и попрыгали.

– Куда?

– Искать маму.

Мы проследовали по коридорам, сопровождаемые изумленными взглядами охраны. Удивительно, как может такой маленький ребенок создавать столько шума? Он топал, как слоненок. То вскрикивал: «Я зайчик!» То, вспоминая про кораблик, восклицал: «По волнам! Пш-ш-ш!» Словом, через четверть часа я пришла к выводу, что с замужеством и деторождением я повременю по крайней мере до тех пор, пока в самом деле не почувствую себя способной сохранить спокойствие даже на эшафоте.

Дойдя до нужной двери, я помедлила, ощущая себя полной дурой. Пришлось собраться с духом, чтобы постучать.

– Войдите, – раздалось с той стороны.

Я замерла, обнаружив, что просто не могу себя заставить толкнуть дверь. О чем я только думала, решившись искать помощи здесь!

– Войдите, – снова повторили изнутри, и дверь качнулась, отворяясь.

Я захотела провалиться сквозь землю, встретившись с изумленным взглядом герцога.

Глава 8

Дверь открылась с помощью магии, потому что герцог продолжал сидеть в том же кресле, где недавно устраивалась я, угощаясь чаем. Господин Гримани уже тоже был здесь, стоял напротив герцога. Возможно, что-то рассказывал, трудно было судить: заведя меня с ребенком, он вытянулся так, словно шест проглотил, и процедил:

– Что вам угодно?

Я сглотнула комок в горле – под взглядом императорского дознавателя, казалось, кровь разом застыла в жилах, а в голову начали приходить формулировки в стиле «нарушение общественного порядка» или «покушение путем создания невыносимого шума и доведения до сумасшествия», а заодно – видения подвалов и виселицы, хотя мне как дворянке полагалась плаха. Даже неугомонный ребенок затих.

– Прошу прощения, господа, – выдавила я.

– Где вы взяли... это? И зачем притащили сюда? – холодно поинтересовался господин Гримани.

Мне снова захотелось провалиться сквозь землю. Пришлось прокашляться прежде, чем открыть рот.

– Еще раз прошу прощения, господа, но я подумала, что люди, занимающиеся охраной дворца, должны знать, как найти...

А кого, собственно, найти? Дворцовым хозяйством дол-

жен заниматься гофмаршал, но дворянин на этой должности едва ли сам общается с прислугой и знает, кто мать этого сопливого сокровища. Камер-фурьера? Или стоило брать ниже?

– ...гоф-фурьера, – решила я. – Или кого-то рангом ниже, кто мог бы знать мать этого ребенка и вернуть его ей.

– Да что вы себе поз... – зашипел дознаватель и осекся, когда герцог поднялся с кресла.

– Зайдите и сядьте. – Он указал мне на кресло. – Сейчас найдем, кого позвать.

Возмущению господина Гримани, казалось, не было предела, и я решила не злить его дополнительно.

– Не переживайте, ваше сиятельство, и вы, господин дознаватель. Мы подождем в коридоре, чтобы вам не мешать.

Я попятилась, волоча за собой ребенка. Встала у стены. Мальчишка снова захныкал. Я опять опустилась напротив него, вынула из рук порядком измочаленный кораблик.

– Хочешь, расскажу сказку? Про зайчика, медведя и жучка с золотыми крылышками?

– Про зайчика! – снова запрыгал мальчишка. – Хочу!

Мимо нас прошел человек в ливрее, скрылся за дверью.

– Когда пришла весна, маленький зайчик прыгал...

– Прыгал! – Он поскакал вокруг меня, на втором круге я перестала следить за ребенком взглядом, чтобы не замутило. Дождавшись, когда он успокоится, продолжила:

– ...и радовался солнцу. Жучок с золотыми крылышками

тоже радовался солнышку. Он вылез на травинку погреться и увидел зайчика. «Давай дружить, зайчик!» – сказал он.

Человек в ливрее снова вышел в коридор и быстрым шагом устремился прочь.

– «Давай!» – ответил зайчик, и они стали играть вместе...

Я как раз дошла до места, где зайчика схватил за уши голодный и злой медведь, когда человек в ливрее вернулся, ведя за собой... распорядителя императорского отбора, графа Боула. Я осеклась на полуслове. Выпрямилась. Мальчишка тоже замер, и лицо его стало неожиданно серьезным.

– Как ваше имя? – поинтересовался распорядитель.

– Мелани, баронесса Асторга, – склонила я голову.

– Поздравляю вас, баронесса. Вы прошли на следующий этап.

Я подобрала отвисшую челюсть.

– Благодарю вас, граф Боул. Могу я попросить объяснений?

Мальчишка вдруг очень взросло усмехнулся, закопошился за воротом и извлек из складок незаметную снаружи булавку. Лицо его мгновенно преобразилось: нежные розовые щеки втянулись, вокруг глаз появились морщины. Рост, правда, почти не увеличился. Карлик! Уже немолодой карлик. И очень хороший лицедей.

– Позвольте представить вам господина Кеплера, шута его императорского величества, – сказал распорядитель.

Я присела в реверансе, проглотив рвущиеся наружу слова.

Вот чуяло мое сердце, надо было попытаться развеять иллюзию! Впрочем, на зачарованный артефакт моя магия могла и не подействовать, ведь наверняка тот, кто его зачаровывал, был намного сильнее и опытнее меня. Великолепная иллюзия, не просто перекрывающая то, что под ней, а взаимодействующая с тем, что должна была спрятать. На лице карлика до сих пор кое-где оставались следы сажи, стертой моим платком. Потрясающее мастерство!

– Императрица должна быть сострадательна и терпелива. Та, что способна молча пройти мимо плачущего ребенка, или та, кто, потеряв терпение, может снова бросить его одного, недостойна стать супругой его императорского величества, – торжественно провозгласил граф Боул. – К великому нашему сожалению, таких нашлось немало.

– Полагаю, я должна молчать о случившемся? – поинтересовалась я.

– Уже нет. Мы испытывали дам весь день, правда группами, на которые они сами разделились, разбредясь по саду. Вы оказались последней и с честью прошли испытание. Что особенно похвально – в полном одиночестве. Значит, вы проявили участие к ребенку не потому, что вам хотелось хорошо выглядеть в чьих-то глазах.

– Благодарю вас, – поклонилась я.

Кажется, мне срочно нужно ведро спиртовой настойки пустырника. Или кандалы, чтобы справиться с соблазном пристукнуть распорядителя вместе с императорским шутком.

Это же... Форменное издевательство! Сострадательна и терпелива! Это я-то – сострадательна и терпелива?

– Император узнает об этом.

Час от часу не легче! Но все, что мне оставалось, – лишь снова поклониться. Не спрашивать же, в самом ли деле император следит за отбором? Нам-то он на глаза пока не показывался. Наверняка опасался, что толпа восторженных дев разорвет его на части не хуже стаи изначальных тварей.

– Могу я забрать себе эту вещицу? – поинтересовался господин Кеплер, показывая мне бумажный кораблик.

– Конечно, я же подарила его... гм, вам. Но зачем? Это же просто безделица.

– Его императорскому величеству будет крайне любопытно узнать, как проходило испытание.

– В самом деле? – не выдержала я. – К его услугам все развлечения мира, неужели женские бои в грязи могут с ними сравниться?

– Можно без конца смотреть, как течет вода, горит огонь... – Господин Кеплер многозначительно замолчал.

– И как дамы рвут друг другу глотки из-за мужчины, – невесело усмехнулась я.

И я сама в это влезла, поставив себя на одну доску с герцогиней Абето и ей подобными. Что ж, значит, и осуждать их я не имею права. Остается только постараться сохранить остатки достоинства.

– Конечно, вы можете забрать кораблик, если считаете,

будто он развлечет его императорское величество.

– Он дополнит «волшебный» камень, зайца, свернутого из носового платка, светящуюся веточку и оборванную ромашку, на которой меня учили гадать. – Шут усмехнулся. – И хворостину, которой меня пытались заставить заткнуться.

– Кто-то посмел ударить такого малыша? – Я смутилась. – Простите, я имела в виду малыша, которого вы изображали.

– Такие нашлись. Вы не обидели меня. – Господин Кеплер поклонился. – Знакомство с вами доставило мне истинное удовольствие, баронесса. Желаю удачи.

Я проводила их взглядом – распорядителя и императорского шута, который не доставал и до пояса своему спутнику, но шел спокойно и с достоинством, а распорядитель подлаживал шаги под его. Господин Кеплер... Вспомнила! Дядя как-то упоминал это имя. Человек, чьей благосклонности добивались многие, потому что он был одним из тех, с кем считался прежний император. И сын его, похоже, держит карлика при себе вовсе не ради забавы.

Интересно, не этот ли человек придумывает задания для отбора? Едва ли император станет сам забивать себе голову... Не додумав, я вздрогнула от звука отворяемой двери.

– Чем закончилась сказка? – поинтересовался герцог.

– Вы знали? – не удержалась я, имея в виду вовсе не сказку.

– Конечно. Примите мои поздравления.

От его слов что-то внутри противно сжалось. Словно он

своими руками отдал меня другому мужчине и отошел в сторону. Я мысленно выругалась. Да даже если и так? Мы знакомы полдня. Я – не его круга, это очевидно. Потому хватит выдумывать себе страдания по тому, чего не было и не могло бы быть. Полюбовалась? Даже потрогала немного, вот и достаточно.

– Благодарю.

А вздумает присниться – начну с выражением читать ему учебник, сам сбежит.

– Так все же удалось ли зайчику улизнуть? – с улыбкой спросил герцог.

– Конечно, разве я стала бы рассказывать малышу сказку с плохим концом? Увидев, что зайчик попал в беду, жучок с золотыми крылышками сел на нос медведя и укусил его. Потом перелетел на ухо. Разъяренный медведь изо всех сил ударил себя по голове, да так, что сам не устоял на ногах. Выронил зайчика, и тот со всех лап устремился прочь. Когда медведь опомнился, зайчик с жучком были уже далеко.

– Значит, добро, как всегда, восторжествовало?

– Я бы сказала – дружба и разум.

– Тогда мне остается только пожелать вам, чтобы разум и дальше был на вашей стороне. Что до дружбы – кажется, вы сумеете ее завоевать и без моей помощи.

– Спасибо за добрые пожелания, – снова поклонилась я.

Не успела выпрямиться, как усиленный магией голос распорядителя велел всем участницам отбора собраться в об-

щей гостиной. Я подпрыгнула, проглотив ругательства.

– Как вы это выносите? – не удержалась я от вопроса. – В смысле постоянные обитатели дворца?

– Пока это даже забавно. К тому же многим ли довелось стать свидетелем события, которое происходит раз в тридцать, а то и в сто лет?

Надо было бежать, но теплый карий взгляд словно пригвоздил меня к месту.

– Еще скажите, что будете внукам рассказывать.

– Вполне возможно. А вы? – Прежде чем я успела что-то ответить, он перебил сам себя: – Впрочем, я совсем забыл: вам же все это неинтересно. Непонятно только, что вы здесь делаете в таком случае.

– В данный момент – спешу занять свое место среди остальных, – вежливо улыбнулась я. – Всего доброго.

Его взгляд, кажется, прожигал мне спину, пока не закрылась дверь.

Я думала, что на месте окажусь последней, но, когда я появилась, гостиная была полупуста. Баронесса Рейнер, заметив меня, с улыбкой поправила юбки, и оказалось, что рядом с ней на банкетке есть свободное место, куда я и устремилась.

– Не стоит благодарности, – перебила она меня. – И, может быть, перейдем на «ты». Я Аделаида, для друзей – Деллия.

– Мелани, – улыбнулась я в ответ и тут же пихнула ее в

бок, призывая обратить внимание на распорядителя, который достал из жилетного кармана часы.

– С момента объявления прошло пять минут, – сообщил он. – Ждем еще пять минут, и все, кто не успеет явиться к тому времени, отправятся домой.

– Интересно, – протянула себе под нос Делия. – Я читала про предыдущие отборы. Там были конкурсы, к которым можно было подготовиться хотя бы морально. Тут же никогда не знаешь, чего ждать. Этот ужасный ребенок чего стоил! Грязный и дурно воспитанный!

– Но судя по тому, что ты здесь...

– У моих родителей девять детей. – Я охнула, а она хихикнула. – Я старшая, так что было не привыкать.

– Могу только посочувствовать. Быть старшей, наверное, очень утомительно.

– Что ты, малыши такие славные! Хотя, конечно, иногда они способны довести до белого каления... – Она осеклась под пристальным взглядом распорядителя.

– Пунктуальность – крайне важная черта, – торжественно начал тот. – Уважение к своему и чужому времени...

Он продолжал заливаться соловьем, кажется, не замечая, как стекленеют взгляды присутствующих дам. Зато пришедшие позже остальных, удостоившись персональной нотации, отходили от двери едва ли не на цыпочках, потупив взоры.

– Время вышло! – наконец объявил распорядитель. – Все, кто не удосужился поторопиться, лишились права на даль-

нейшее участие и, что куда важнее, возможности личного знакомства с императором.

Глава 9

Двери закрылись. По залу пробежал шепоток. Я оглядела присутствующих: быстро редеют наши ряды. Сколько всего девушек съехалось на отбор, не знал никто. По слухам, примерно десятая часть собравшихся отсеялась после осмотра. Третью оставшихся – после письменной работы. Интересно, кто читал те работы – не сам ведь император? И по каким критериям отбирали? Нам сказали, что будут смотреть только на грамотность и связность изложения, но не просто же так тема для размышления звучала «Как вы понимаете смысл фразы “Положение обязывает”?»? Могли бы предложить описать картину или, вон, пейзаж за окном, для того чтобы проверить грамотность и связность мыслей, этого было бы достаточно...

Потом на пару дней нас предоставили себе – и, кажется, за это время участницы сами позаботились о том, чтобы уменьшить количество конкуренток. Взять хоть ту парочку, что я видела в саду, – одна всклокоченная, другая с оборванным подолом – и обеих сейчас здесь не было. Как не было и герцогини Абето со спутницами. Вот тебе и фаворитка... Впрочем, нет. Одна из той компании осталась. Высокая и худая, та, что спрашивала, как смеет невеста кто приказывать что-то императорским невестам.

Интересно, в ее душе в самом деле нашлось сочувствие к

плачущему малышу? Или сообразила, что ребенку прислуги нечего делать среди господ? Ведь теперь, когда все раскрылось, это казалось очевидным. Даже стыдно, что не распознала подвох сразу.

Впрочем, задним умом мы все сильны. Сейчас же лучше не размышлять о том, что уже было, а внимательно слушать распорядителя.

– Сегодня вы все будете представлены его императорскому величеству, – торжественно объявил он.

Я мысленно посочувствовала императору. Сейчас в гостиной, которую стоило бы назвать большим залом, собралось не меньше полусотни девушек. Даже если сказать каждой паре приветственных слов – и то к концу церемонии язык заплетаться начнет.

Впрочем, будет ли церемония? Или просто выстроят всех в шеренгу...

– Вы должны будетеделиться на две части... – Я мысленно хихикнула над невольной оговоркой и тем пафосом, с которым прозвучала эта фраза. Интересно, а в своем кругу распорядитель тоже изрекает, а не говорит? – ...и выстроиться по росту вдоль коридора.

Я прикусила губу, чтобы не расхохотаться. Герцог как в воду глядел. Но назвать этот строевой смотр «знакомством»... Впрочем, мне-то какое дело? Не прозевать бы очередной подвох.

– Вы должны будете приветствовать императора реверан-

сом. Не рассчитывайте, что он уделит вам много внимания.

Ясное дело. Даже по полминуты на каждую – полчаса в итоге. «Очень приятно. Император», – пожалуй, максимум, чего можно ждать. А скорее всего, и ответного кивка не будет, это же голова отвалится, столько кивать. Говорят, в былые времена на отбор призывали под страхом наказания и съезжалось несколько тысяч девушек. Вот когда, наверное, был настоящий дурдом!

Распорядитель между тем продолжал наставлять:

– Некоторым из вас его императорское величество преподнесет подарок. Не зазнайтесь, получив его.

По залу снова пробежали шепотки и смех.

– Подарок из рук императора! – восторженно прошептала Делия. – О таком всю жизнь можно помнить, даже если дальше и не пройдешь!

– Повторяю, не зазнавайтесь! – вещал граф Боул. – После церемонии вы вернетесь сюда на четверть часа отдохнуть и далее удостоитесь чести отужинать с императором. Сегодня на ужине будет присутствовать и вдовствующая императрица...

Интересно было бы посмотреть на женщину, победившую в прошлом отборе. Еще интересней – понять, сколько в том выборе было личных пристрастий императора, а сколько – необходимости. Насколько я помнила, вдовствующая императрица была из очень хорошего и влиятельного рода. Как, впрочем, и герцогиня Абето, которой происхождение и за-

слуги родителей не помогли.

– В следующие же вечера – только его величество.

– Это значит, что мы каждый вечер теперь будем ужинать с императором? – подала голос незнакомая большеглазая девица с такой тонкой талией, что ее, казалось, можно было ухватить двумя пальцами.

– Да, те из вас, кто останется, – подтвердил распорядитель. – И с каждым вечером, по мере того как вас будет оставаться все меньше, общение с императором будет становиться все более близким.

Кто-то хихикнул.

– Надеюсь, он не потребует от нас ничего неподобающего, – шепнула Делия. – Я читала, что второй император, м-м-м... перепробовал всех претенденток и...

– Шутишь! – не выдержала я.

– Нет, так было в летописи, что я читала. Якобы истинную пару можно узнать только после телесного контакта, и тот император усердно искал свою истинную.

Учитывая количество претенденток, никакого усердия не хватит. Если, конечно, летописец не приврал или Делия не поняла превратно.

– Телесный контакт – понятие растяжимое.

По большому счету, то, как я с разгона впечаталась в полуголого герцога, можно счесть телесным контактом. Я залилась краской. Делия тоже зарделась.

– Я уверена, летописец имел в виду...

– А я уверена, что это сплетни, – перебила я. – Посуди сама, это ж какая должна быть... выносливость – этак про-
бовать. А время? Сколько бы это заняло времени?

Что сказали бы, узнав о подобных «пробах», родители де-
виц, я и вовсе не стала упоминать. Не все же такие, как мой
отец.

– Так отбор и длился... – Она осеклась под строгим взгля-
дом распорядителя.

– Что ж, начнем, дамы, – провозгласил тот.

На какое-то время воцарилась неразбериха. Сперва нас
выгнали в длинный коридор, по очереди отводя то к од-
ной, то к другой стене. Потом распорядитель, прохаживаясь
вдоль выстроившихся девушек, менял нас местами. Снова
ходил туда-сюда и снова переставлял. К тому моменту, как
получившиеся две шеренги его удовлетворили, мне уже по-
рядком надоело стоять столбом. Зря я оставила учебник в
комнате. С другой стороны, куда бы я его девала, когда им-
ператор все-таки появился бы?

– Через четверть часа его императорское величество будет
здесь! – возгласил распорядитель.

Одна из девушек, обрадовавшись, отлепилась от стены.

– На место! – рявкнул граф Боул.

Девушка подпрыгнула.

– Но четверть часа... – пролепетала она.

– Вам, дамы, и часа не хватит, чтобы восстановить нару-
шенный порядок, – отрезал распорядитель. – Вернитесь на

место.

Девушка слева от меня – та самая, что спрашивала, будем ли мы ужинать с императором каждый вечер, – тихонько застонала. Я посмотрела на ее фарфорово-бледное, без намека на румянец лицо, бисеринки пота на лбу.

– Вам нехорошо?

– Нет-нет, все в порядке. Просто ноги онемели. Слишком узкие туфли...

Да уж, дамские туфельки не предназначены для того, чтобы в них долго стояли или сидели. Я украдкой бросила взгляд на ноги соседки. Узкий носок, высокий каблук – пыточные колодки, а не обувь. Мои туфли, к счастью, были как следует разношены, даром что сбитые носки и растрескавшуюся кожу пришлось прятать под иллюзию.

Некоторое время мы простояли, переминаясь с ноги на ногу. Коридор наполнился гулом голосов, благо говорить нам не запрещали. Обе мои соседки, впрочем, не проявили особой разговорчивости, и я только обрадовалась этому, погрузившись в собственные мысли, из которых меня вырвал звук шагов и раскрывающаяся дверь.

– Идут! – прошептала девушка, что жаловалась на туфли. Выпрямилась. И начала заваливаться набок.

Это не было притворством. Мертвенная бледность лица, пот над губой и на лбу, ледяные пальцы, когда она схватила меня за руку, пытаясь устоять на ногах, – все говорило о том, что обморок настоящий.

Меж тем император уже шествовал по коридору, а следом за ним шли еще люди, сейчас в моих глазах слившиеся в сплошную человеческую массу. Время словно застыло. Вот медленно-медленно начали склоняться в реверансе девушки, к которым он приблизился, – самые рослые. И так же медленно оседала моя соседка.

Время на краткий миг вернуло нормальный ход, а потом понеслось как бешеный заяц. Отодвинулась, брезгливо скривившись, девушка, что оказалась по левую руку от моей соседки, склонилась, приветствуя императора, точно, кроме него, вокруг никого и не было.

Наверное, мне следовало бы поступить так же – чуть отодвинуться и не нарушать приличия. В конце концов, не я затащила свою соседку слева в такой узкий корсет, не позволяющий дышать. И на каблуки ее взгромоздила не я. Но, вместо того чтобы последовать этим, безусловно, разумным мыслям, я подхватила ее, прислоняя к стене. Удержать взрослую девушку в вертикальном положении я едва ли смогла бы, а так получилось превратить падение в плавное сползание на пол.

– Нюхательные соли у кого-нибудь есть? – спросила я.

Ответом мне была мертвая тишина. Даже, кажется, дышать все перестали. Я подняла глаза и сама едва не хлопнулась в обморок, обнаружив, что прямо надо мной возвышается император.

Он выглядел похоже и непохоже на портреты. Темно-каш-

тановые волосы и карие глаза, прямой крупный нос, высокие скулы, казалось, сошли с портрета, как и широкие плечи. Но если на портретах лицо выражало суровую озабоченность державными делами, то сейчас оно было преисполнено властности и силы.

– Что здесь происходит? – спросил он.

Голос был низким, глуховатым и в то же время – смутно знакомым. Как будто совсем недавно я слышала похожий, а сейчас он был искажен иллюзией. И интонации. Где я слышала такие же интонации?

Да какая разница? Нашла время придумывать всякие глупости! Лучше бы побеспокоилась о том, как не попасть под горячую руку. Я подавила желание съежиться и пропищать «ничего».

– Обморок, ваше величество. Нужно расшнуровать корсет и... В смысле унести ее отсюда.

Будем надеяться, император привык, что к его ногам валяются восхищенные девы.

– Займитесь, – кивнул он кому-то.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.